

М. Г. Шатерник

Белорусский государственный университет, Минск

M. G. Shatsernik

Belarusian State University, Minsk

УДК 124.2

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ДИСКУРСА КАК УЧЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СМЫСЛА

FORMATION OF PHILOSOPHY OF THE DISCOURSE AS A DOCTRINE ON FORMATION OF SENSE

Философия дискурса может быть рассмотрена как заключительная стадия эволюции подходов к языку, которая характеризуется переходом от статического к динамическому его рассмотрению. Центральной категорией, объединяющей эти подходы, является понятие смысла.

Ключевые слова: язык; дискурс; смысл; статика; динамика.

The philosophy of discourse can be seen as the final stage in the evolution of approaches to language, which is characterized by transition from the static to the dynamic of his consideration. Central category which is combining these approaches is the concept of meaning.

Key words: language; discourse; meaning; statics; dynamics.

В современном гуманитарном познании особое место занимает теория дискурса, что связано с новым пониманием роли дискурсивных практик в конструировании социальной реальности и места языковых практик в интерсубъективном взаимодействии людей.

Между тем, однозначное определение самого понятия дискурса является трудновыполнимой задачей даже для основателей данного методологического подхода [1, с. 45]. Поэтому в данной статье из множества формулировок в качестве рабочего принято определение Н. Д. Арутюновой: «дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2, с. 136–137].

Из такого объемного определения, видно, что дискурс является предметом философии, лингвистики, социологии, психологии и т.д. Определение дискурса усложняется еще и тем, что каждая из этих дисциплин выходит за свою область, в результате чего дискурс становится предметом трансдисциплинарного анализа. Получается, что даже в рамках одного подхода предмет рассмотрения ускользает за понятийные и методологические границы научной дисциплины.

Представляется, что философский аспект рассмотрения дискурса может быть достигнут путем его анализа в категориальном языке философии, благо-

даря которому устанавливается сущностная взаимосвязь дискурса с другими философскими категориями. В данной статье таким аспектом рассмотрения станет понятие смысла, вокруг которого, как представляется, сосредоточены все прочие философские проблемы языка. Как отмечал Р. И. Павилёнис: «От решения этой проблемы [проблемы смысла языковых выражений] зависит не только построение общей теории языка как средства формирования и передачи информации, не только научное объяснение понимания языка, решение множества практически важных задач автоматической обработки языка, но и выявление места и функций языка в процессе познания и освоения мира, теоретически обоснованное определение связи мысли, языка и мира, имеющее огромное методологическое значение. Последний аспект анализа смысла и сообщает ему философский характер» [3, с. 8].

Теория дискурса может быть рассмотрена как теория языка в его динамике, которая имеет свои корни в теориях, рассматривающих язык в его статике. Объединяющим ядром этих теорий является понятие смысла. Целью статьи является установление взаимосвязи понятий «смысл» и «дискурс» в проблемном поле философии путём экспликации истории этой проблемы, которая развивалась от теорий ясного высказывания смысла к теориям образования смысла как такового. Эта цель предполагает решение нескольких задач: определить место понятия «смысл» в философии языка как статического феномена; установить характер эволюции философии языка: от подхода к языку в его статике к подходу к языку в его динамике (дискурсу); установить статус понятия смысл в философской теории дискурса.

Интерес к языку как предмету философского анализа начинает проявляться в конце девятнадцатого века. Возможности дальнейшего познания мира и человека напрямую зависели от разработки теоретических оснований языка в его логическом и семантических аспектах. Речь шла об исследовании того, каким образом язык может нечто обозначать, и какой смысл он может выражать. Собственно так и называлась работа пионера лингвистического поворота в гуманитарном познании Готлоба Фреге (Gottlob Frege). В своей статье «Смысл и денотат» [4, с. 351–380], философ исследует проблемы логики и языковой семантики.

Его схема включала три основных элемента, два из которых – имя и значение. Определяя их специфику, философ пишет, что под «именем» он понимает «любое обозначение, выступающее в роли имени собственно, значением которого является определенный предмет». Третий концепт теории Г. Фреге – смысл. Именно смысл позволяет имени привязываться к значению. Также смысл – это «способ данности» объекта.

Важно отметить, что смысл является главным в этой триаде. Проверить истинность высказываний $A = A$; $A = B$, можно двояко: если под равенством подразумевается равенство физических объектов, то проверить высказывание на истинность можно, сопоставив предметы, обозначаемые A и B . Это можно сделать например в случае с остенсивными определениями, когда к имени непосредственно прилагается наглядный предмет, им обозначаемый.

Однако визуальная схожесть не гарантирует, что оба предмета имеют одинаковые качества. В данном случае высказывание $A = B$ может быть ложным, если под равенством предполагается равенство смыслов. Например значением имени A и имени B , может быть планета Венера, но смыслы, ее выражающие, могут быть разными: утренняя звезда для имени A , и вечерняя звезда для имени B . Таким образом, в социокультурном измерении один и тот же объект действительности, представленный разными способами, имеет разный смысл. Учитывая всю многоаспектность восприятия человеком действительности и взаимодействия с ней, шансы, что смыслы говорящих совпадают, уменьшаются. Если же предметом разговора становятся, например, моральные ценности, то их смысл и способ данности, кажутся ещё более полемичными.

Выявив это обстоятельство, Г. Фреге учредил традицию поиска предельных выразительных возможностей языка, для которой категория смысла является ключевой. Важность этого положения особенно понятна, если учесть, что все человеческое знание о мире базируется на социальном измерении этого мира. В отношении к социальной реальности ничто так не важно, как смысл, ибо благодаря нему конституируется мир человека.

Другой импульс проблеме смысла в философии языка придал английский философ Дж. Э. Мур. Анализируя возможности аргументации и доказательства моральных высказываний, он пришёл к следующим выводам.

1. Когда в моральном языке речь идет о ценности, то ей невозможно дать определение. Можно сказать «если X обладает качеством y , это хорошо», но нельзя дать дефиницию тому, что такое «хорошо», т. е. определить смысл того, что такое «хорошо».

2. Моральные ценности являются «не-натуральными» признаками объектов (non-natural property), никакая ценность не может быть эмпирически верифицирована, поэтому и смысл ценности, и ее значения являются идеальными образованиями.

3. Моральные высказывания можно охарактеризовать как интуитивные [1, р. x], а значит и смысл выраженных в них моральных ценностей во многом задается интуитивно. В результате Дж. Мур показывает, что «статическая» семантическая схема языка, где имя имеет четкий смысл, несостоятельна. Особенно в языке морали.

Как показали еще Г. Фреге и Б. Рассел, стремившиеся создать идеальный язык, добиться того, чтобы каждому имени соответствовал всего лишь один смысл и одно значение возможно только для формализованных языков. Кроме того, для формализованных языков смысл вообще не нужен: имя там привязывается к значению механически и не терпит интерпретаций. Повседневный же язык с его плодотворными неточностями, оставляет массу возможностей для смысловых маневров, именно поэтому он лучше, чем формализованный язык подходит для взаимодействия человека с действительностью.

Продолжая метаэтический подход Дж. Мура, американский философ Чарльз Стивенсон обратил внимание на то, что у языка есть две формы употребления: дескриптивная и динамическая. Последняя связана с эмотивным аспектом языка. Стивенсон определял эмотивное значение слова следующим образом: это «тенденция слова – восходящая к практике его употребления – есть стремление производить эмоциональный ответ у людей» [6, с. 23]. Его исследование начинает смещаться в сторону языка в его практическом употреблении, в динамике.

Кроме того, английское слово «meaning» в контексте статьи может переводиться не только как «значение» (как это принято в русском переводе этой статьи) но и как «смысл», ибо эмоциональная сфера сознания – это скорее сфера смысла. Тем более Ч. Стивенсон добавляет там же, что «emotive meaning» – это «непосредственная, мгновенно возникающая аура ощущений, которая окутывает слово» [6, с. 23]. Таким образом, «ethical meaning» может пониматься у Стивенсона и как «этический смысл» слова.

Ученик Фреге, Мура, и Рассела – Л. Витгенштейн, своей главной логико-семантической задачей видел установление того, как «нечто может быть сказано ясно». В «Логико-Философском Трактате», Л. Витгенштейн писал о том, что возможность для смысла – то есть возможности языка выражать и обозначать что-либо – предоставлена логическим пространством. Последнее является областью, в которой возможно образование логических картин как понятийных концептов. Как пишет сам философ: «Посредством своей изобразительной формы картина изображает то, что она изображает, независимо от ее истинности или ложности. ... То, что картина изображает, – ее смысл» [7, с. 10].

Важно отметить, что австрийский философ имел и другое понимание смысла – философский смысл мира – тем самым предвидя недостаточность лингвистических и семантических схем. Такой смысл мира, заключает философ, «должен лежать за его пределами» [7, с. 70], то есть за пределами одной лишь логики.

Итак, ключевой категорией при рассмотрении языка в его статике является категория смысла. Поскольку именно смысл дает возможность референции, выступает главным элементом при означении предмета, а также смысл является органичным сознанию, языку и миру пунктом их соотнесения.

На переходном этапе, когда философский интерес смещался в сторону исследования языка в его применении, ключевой фигурой также оказался Л. Витгенштейн. В поздний период творчества [8] язык рассматривался им, как игра, как жизнь языка, в которой значения придаются именам не благодаря некой логической схеме, но исходя из практики, или правил той или иной языковой игры. Сказать, что слово или предложение имеет смысл, – это сказать, что простое или сложное имя имеет значение, то есть не является бессмыслицей. Следовательно, отношение слова и значения имеет место тогда и только тогда, когда имеет место смысл.

Таким образом, австрийский философ открыл перспективы рассмотрения языка как практики, в которой смысл является необходимым условием

значения, которое, в свою очередь, имеет историческое, географическое, любое иное локализованное в определенной языковой игре или форме жизни отношение.

Большое влияние на теорию дискурса оказал Ф. де Соссюр. Будучи по специальности чистым лингвистом, он может быть рассмотрен в ряду философов благодаря двум своим идеям. Во-первых, в «Курсе общей лингвистики» он ввёл понятие речевой деятельности, в рамках которой различаются «langage» язык и «parole» речь (что соответствует различию языка в статике и языка в динамике). Согласно Соссюру, речь – это «индивидуальный акт воли и понимания», содержащий, во-первых, «комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом», а во-вторых, – психофизический механизм, позволяющий субъекту объективировать эти комбинации» [9, с. 22]. Как видно, именно в речи образуется индивидуальный акт понимания, то есть смысл. Язык – это система, позволяющая эти смыслы означать.

Во-вторых, философский потенциал имеет идея Ф. де Соссюра о языке как дифференциальной системе значимостей, в которой знак имеет свое место благодаря отличию от других знаков системы. Эта схема стала основой структуралистского подхода, который был охотно воспринят французскими интеллектуалами и утвердился как философская методология.

Одним из самых значительных представителей французской философии дискурса является М. Фуко. В его трудах идея дифференциальной значимости знака дополнилась тезисом об исторической обусловленности структуры означения. Благодаря такому подходу, смысл языковых выражений стал рассматриваться нераздельно со смыслом социальной реальности. Переплетаясь, эти области образуют тем самым пространство понимания окружающего мира, а в определенном плане – конструируют этот мир. Например, по М. Фуко, такая характеристика человека как сексуальность оказывается не органической данностью, но результатом употребления этого слова в совокупности разнообразных дискурсов» [10, с. 179].

В работе «Слова и вещи» М. Фуко исследует «эпистемы», которые в каждый исторический период выполняют роль «исторических априори», определяющих условия возможности знания. Характерно, что М. Фуко выделяет три эпистемы: ренессансную, классическую, современную. В классической эпистеме рационализма, слова и вещи лишаются тождества (как это было в ренессансной эпистеме) и соотносятся опосредованно в пространстве представления (что характерно для подхода к языку в его статике). В современной эпистеме, отмечает М. Фуко, слова и вещи опосредуются жизнью, практикой языка, (что и отражает переход исследования к языку в динамике). Другими словами, образование смыслов феноменов социальной реальности определяется той эпистемой, в рамках которой этот феномен конституируется. В «Словах и вещах» М. Фуко пишет, что «Характерная черта современной эпистемы — это появление жизни, труда, языка в их внутренней силе, в их собственном бытии, законы которого несводимы к логическим законам мышления» [11, с. 15].

В более поздних работах – «Археология знания» и «Порядок дискурса» – М. Фуко проводит анализ языковых практик как дискурса в его до-знаковом, до-семиотическом уровне, «на котором определяются условия возможности знаков, языков, логики и знания» [12, с. 20]. В результате деятельности М.Фуко научная мысль окончательно перешла к изучению языка в динамике, а также утвердилось собственно философское изучение проблем дискурса, состоящее в рассмотрении его как части общественной жизни, формы социальной активности, структуры социальной реальности.

Таким образом, важнейшей категорией в исследованиях языка является смысл, чем обеспечивается логическая связь в переходе от исследования языка в его статике к исследованиям языка в его динамике. На первом этапе, смысл рассматривается как возможность референции, и является ключевым элементом в означении предмета, и тем самым обеспечивает понимание действительности. На втором этапе смысл рассматривается как функция дискурса, посредством которой происходит социальное означение и конструирование социальной реальности. В теориях дискурса, в которых язык рассматривается в неразрывности с социальной реальностью, определенный тип дискурса устанавливает смысл и понятие собственного предмета. Поэтому смысл предстает фундаментальной категорией, посредством которой в дискурсе осуществляется операция означения.

Список использованных источников

1. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Павлѐнис, Р. Й. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. Й. Павлѐнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
4. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – 1997. – № 35. – С. 351–380.
5. Moore, G. E. Principia Ethica / G. E. Moore. – Cambridge : University press, 1922. – i-xii; 232 p.
6. Stevenson, C. L. The emotive meaning of ethical terms / C. L. Stevenson // Mind. – 1937. – Vol. 46. – № 181. – P. 14–31.
7. Витгенштейн, Л. Логико-философский Трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы: соч. в 2 т. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 3–73.
8. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы: соч. в 2 т. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 74–319.
9. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 426 с.
10. Сокулер, З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко / З. А. Сокулер // Философские науки. – 1998. – № 4. – С. 174–182.
11. Автономова, Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н. С. Автономова // Фуко, М. Слова и Вещи. – СПб., 1994. – С. 7–27.
12. Колесников, А. С. Мишель Фуко и его «Археология знания» / А. С. Колесников // Археология знания / М. Фуко. – СПб., 2004. – С. 5–30.

(Дата подачи: 11.02.2016 г.)